



Ольга Шпилова-Тамайо

# Владивосток и другие мужчины

повести, рассказы  
и одна песня

18+

Ольга Шипилова-Тамайо

**Владивосток и другие мужчины**

«Издательские решения»

## **Шипилова-Тамайо О.**

Владивосток и другие мужчины / О. Шипилова-Тамайо —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839594-9

Море любви и любовь к морю, эротический флёр и юмористический тон, путешествия и ощущения, мужчины и женщины, приключения с людьми и внутри людей — именно этим наполнена книга повестей и рассказов Ольги Шипиловой-Тамайо. Вообще-то все эти истории могли бы происходить с кем угодно и в разных городах Земли. Однако вышло так, что автора вдохновили владивостокцы и Владивосток. Город, куда стремятся многие. Город, откуда открыты пути в мир.

ISBN 978-5-44-839594-9

© Шипилова-Тамайо О.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Владивосток и другие мужчины      | 6  |
| Токио-сан                         | 7  |
| Сеул-сосед                        | 8  |
| Белград-брат                      | 9  |
| Брюссель-друг                     | 10 |
| Париж-любовник                    | 12 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 14 |

# **Владивосток и другие мужчины**

**Ольга Шипилова-Тамайо**

*Редактор* Егор Шипилов

*Иллюстратор* Елена Гуляева

*Дизайнер обложки* Руслан Руденко

*Корректор* Анна Индралиева

© Ольга Шипилова-Тамайо, 2018

© Елена Гуляева, иллюстрации, 2018

© Руслан Руденко, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-9594-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## **Владивосток и другие мужчины**

Её отца звали Владивосток. Правой ногой он стоял в Тихом океане, самом большом океане в мире.левой ногой – на краешке Евразии, самого большого материка планеты. И у ног его лежал 9288-ой, последний километр Транссибирской магистрали, самой большой дороги на свете. Хотя сам Владивосток невелик, его знали многие в разных точках Земли. Он был постоянно молод, беспокоен, ярк и всегда на волне. И дочь Владивостока бесконечно обожала своего отца с той минуты, как появилась на свет.

После детства обожание стало менять формы, цвета и размеры. До тех пор, пока не превратилось в настоящую любовь.

Будучи маленькой, она хотела жить вместе с отцом всегда. Всю жизнь. Прошло время, одежда в её гардеробе доросла до 42-го, перестав менять размер. И ей не хотелось больше жить с Владивостоком.

Её манил мир, полный других мужчин.

## Токио-сан

Когда дочь Владивостока была подростком, отец познакомил её с Токио-саном, который жил неподалеку, через море, но совсем в другом космосе. Отцу это стоило денег, но он хотел, чтобы дочь его увидела интересное, лучшее, что есть рядом. Да, она была впечатлена Токио-саном как загадочной сказкой. Но совсем не поняла его. Через много лет она и Токио-сан встретились снова. Она стала старше, Токио-сан был все таким же свежим, одновременно архаичным и высокотехнологичным, в белоснежных носочках, с ухоженными волосами и гладкой кожей, источавшей экзотический запах.

Вряд ли он узнал её. Однако подал ей свою визитку. Подал двумя руками, смиренно склонившись перед ней в пояс на мгновение. Дескать, очень уважаю Вас, Дочьвладивостока-сан. Они прониклись друг к другу непреодолимым интересом. Правда, Токио-сан не имел привычки приглашать женщин к себе домой. Он очень стеснялся своей маленькой квартирке без кровати и стола. Иногда его жилище колыхалось от землетрясений на 10-ом этаже сейсмостойчивого здания.

Он угощал её в своих ресторанах на шумной Гинзе, в старинной Асакусе и в тех, что неспешно плыли по реке Сумиде. Больше всего ей нравился кисловатый запах рисового сакэ. Этот запах брожения из времён первобытия говорил о Токио-сане очень многое – всё то, что скрывалось за японской скромностью и вежливостью. Он украдкой смотрел на неё, когда она украдкой нюхала сакэ. Она пила этот напиток прохладным и смаковала его во рту. Токио-сан же любил выпить сакэ быстро, горячим, прежде утопив в нём кожицу фугу, снятую со свежепойманной ядовитой рыбки.

Сладкое мясо из вареных фаланг огромного краба она ела и раньше, на противоположном берегу Японского моря, в доме отца – Владивостока. А вот поглощать живую камбалу смогла только благодаря Токио-сану. Во всём свете лишь он один умел преобразовывать эту простецкую рыбу в сюрреалистический феномен. Выловив из морской воды, тут же, не задевая головы и хребта, молниеносно нарезал её ещё пульсирующее жизнью мясо на тончайшие перламутровые пласты. В таком виде он возвращал плоть камбалы на её трепыхающийся в блюде скелет с неповреждённой нервной системой. За секунду делал из сырой морковки крабиков, сервировал ими распластannую и притом живую камбалу. Токио-сану было приятно видеть, как дочь Владивостока отправляла на язык пищу, никогда не бывшую мёртвой.

Душа Токио-сана была сконструирована из четырех больших островов и тысяч маленьких. Он веками работал над собой, медитировал, самосозерцался и созерцал, не растрчивался по мелочам, но вбирал из окружающих миров, даже враждебных, всё самое лучшее. Поэтому теперь острова и островки его души гармонично соединились многочисленными мостами. А её особенно восхищали подвесные мосты Токио-сана, легко противостоящие с помощью своей инженерно-ажурной красоты любым тайфунам. Ради этой ажурности Токио-сана она даже хотела остаться с ним!

Однажды зимой Токио-сан пригласил её в онсэн. Шёл снег. Они молча сидели вместе в горячем источнике: на их головы тихо опускались снежинки, а тела горячила родоновая вода. Токио-сан любовался её неаппонским профилем с острым носом. Она наблюдала за паром, покрывавшим горячую водяную рябь. «Мы как обезьянки на Хоккайдо», – думала она. «.....», – думал он. Токио-сан, как всегда, был скромным. Чтобы скрывать своё специфическое любопытство. Поэтому ей пришлось провоцировать его. В онсэне это было легко. Она никогда не могла бы стать его женой или даже подругой. Но в любой точке земного шара при виде снежинок её тело вспоминало тот японский безмолвный горячий источник.

## Сеул-сосед

Этот мужчина с миндалевидными глазами жил совсем близко. Сеул и Владивосток часто бывали в гостях друг у друга, иногда работали вместе. Так что грех было не познакомиться с ним. Сеул услышал, как дочь Владивостока поет казачьи песни, и захотел видеть её у себя. И однажды она приехала.

Она замечала, что Сеул отличался от своего родного брата Пхеньяна. Взглядами на жизнь, и даже внешностью. Сеул имел достаточно высокий рост, более или менее светлую кожу офисного работника, свободные манеры и не по-азиатски широкую улыбку. Это сказывалось воспитание патрона-американца, проникшего на Корейский полуостров еще в 50-е годы. Сеул был фанатичным трудолюбом, не работал, а пахал. Его брат Пхеньян тоже пахал. Между тем, если первый получал за труд мясное бульоги, отличный костюм и интеллектуальный автомобиль, то второй – всего лишь 300 граммов варёного риса в день. Впрочем, то, что они братья, можно было понять по запаху. Кожа обоих была пропитана вековым концентратом чесночного аромата. Её притягивал этот аромат.

Сеул не чувствовал, как быть романтичным с женщиной из Владивостока, но знал технологии. Потому что всё время много учился и выпитывал. Она видела: в нём гармонично соединялись исконные корейские черты – аккуратность, прагматичность, обходительность и западные – педантичность, расчетливость, дипломатичность. Он не был таким загадочным, как Токио-сан, выглядел и вёл себя более понятно для неё. А ещё дочь Владивостока восхищали звонкие и упругие названия улиц, куда Сеул чаще всего водил её на прогулку, – Инсадон, Мендон, Итэвон.

Интересно, что Сеул был очень темпераментным в отличие от других азиатских мужчин. Она сразу догадалась об этом. Как только впервые услышала его игру на корейских барабанах. Затем догадка подтвердилась: мурашки бегали по её телу, когда Сеул играл джаз. По-своему, по-корейски, покрываясь блестящим потом, уже не смущаясь чувств и не стесняясь оргастичности ритма собственной музыки. Вероятно, он имел такой бурный темперамент, скрывающийся под белым воротничком хан-бока из-за того, что каждый день ел много жгучего перца. Или наоборот – любил жгучий перец ввиду бурного темперамента. Ей хотелось разгадать это. Ради острого вкуса Сеула она даже хотела остаться с ним!

Когда они вместе выпили соджо, он совершенно расслабился. Говорил ей комплименты, очень пристойные. Однако приличный тон его слов не сочетался с неприличным блеском его чёрных глаз и белых зубов. Но она не смела. Так же как и он не смел. Она – потому что не знала, зачем ей это. А он, в силу характера, предпочитал держать истину при себе.

## Белград-брат

Как-то раз в её жизни появился Белград. Настоящий красавец! – так говорили про него другие женщины. Дочь Владивостока много слышала до того о нём и страстно мечтала увидеть белого красавца. Отправилась одна в дальнее путешествие. К нему. Когда она вышла из самолета в аэропорту, Белград сразу принял её в свои тёплые балканские объятия так, как будто знал и ждал её все эти годы! За одно лишь то, что она была Рускиня. «Не кошта ништа!»<sup>1</sup> – весело сказал сербский таксист, когда услышал, что она прибыла аж из Владивостока.

Белград оказался очень крупным мужчиной, имел шикарные волнистые волосы, медленную уверенную речь, низкий густой голос, придававший его образу лёгкую грозность. Для неё было неожиданностью то, что он не оправдывал своё имя – «Белый Град»: он был настоящим брюнетом, смуглым и кареглазым, похожим совсем не на славянина из её представлений, а на кого-то из романских наций. Однако она явно ощущала его славянское нутро под европейской кожей, едва пахнущей далеким турецким ароматом.

Зато выражение его вишнёвых глаз было совершенно детским! Этот мужчина обладал душой ребёнка, доброй и почти наивной. И с этим ей ничего нельзя было поделать. Ему хотелось проводить время в кафанах и кафичах, хвастаться, баловаться не по возрасту, шутить так, как она перестала шутить ещё 10 лет назад.

Он гордо заявлял, что умеет готовить, но был почти бездарным кулинаром. Белград постоянно ел мясо и всевозможное печёное тесто. Или мясо внутри нежного слоёного теста. Весной и летом природа одаривала его стогами превосходной свежей зелени. Но Белград никогда не ел зелень. Ему было лень перемывать тугие перья лука и сочные листики петрушки. А вот паприку он поедал в огромных количествах – свежую и вяленую, маринованную и печёную с чесноком, целиком и перетёртую в «прашек». В этом городе вкус перца был не восточно-острым, а южно-сладким.

Когда он пригласил её к себе в дом впервые, она не увидела там чайника. Вместо чайника – турка. Белград пил только кофе. И вот уж этот напиток он умел варить лучше прочих в мире! Чаем он считал сушеную траву – мяту, Melissa, ромашку. Заваривал их лишь тогда, когда простужался. Ей пришлось пить кофе вместе с ним утром, днём и вечером. Так она заработала себе тахикардию. А ему всё было нипочем: слоновьи дозы кофеина, шквал децибелов из динамиков, танцы ночами напролет, а иногда и рюмочка веселящей виноградной ракии вместо зубной пасты сразу с утра. И в любой момент в Белград мог приехать с концертом сам Эмир Кустурица и привезти на радость людям свою фееричную музыку, какую играют цыгане в его фильмах. Ради такой встречи в Белграде она даже хотела остаться с ним!

И все-таки Белград был трогательным. Показал ей величественный Дунай, текущий в его крови, и шаловливую Скадарлию, сидящую в самом его сердце. Он думал, что выдает ей свои лучшие мужские качества. Но подсознательно жаждал видеть в ней старшую сестру, опекающую его, кормящую и ласкающую. Так она и полюбила его. Как дитя, как младшего брата. Белград был чуть-чуть обижен – ему казалось, что он хотел другой любви, тестостеронно-эстрогеновой. Ну, ничего! Они расстались очень хорошо тогда. Для того, чтобы встречаться еще много раз. Как родня.

---

<sup>1</sup> Не стоит ничего (серб.).

## Брюссель-друг

Она краем уха слышала о нём, конечно. В школе учительница географии рассказывала. И в теленовостях про него порой вспоминали. А как же не вспоминать, когда именно Брюссель привечал у себя штаб-квартиру НАТО и администрацию всего Евросоюза. Но он был тогда для неё, как и многие прочие, – лишь образом, плодом легкого воображения, навеянного телевизионной стрекотнёй. Ей не было до Брюсселя никакого дела. До поры.

Судьба, добрая крёстная мать всея человечества, решила подарить им волшебные моменты. И первым стал тот, когда дочь Владивостока изнемогала от глубоконочной скуки, а Брюссель вкусно отобедал в квартале Священного островка. Судьба усадила обоих за компьютеры и соединила их в интернет-пространстве. Соединила, в доли секунды проглотив 11600 километров между ними и 10 часов временной разницы. Из англоязычного форума, где юзеры разных стран болтали буквами о культуре и истории, Брюссель и дочь Владивостока тут же переместились в приватное пространство электронной почты. И понеслось! Год ежедневной переписки просто вывернул наружу обе души. Одну, восторженную, почти на берегу Атлантики, другую восхищённую – на самом берегу Тихого.

Брюссель родился от брака фламандки и валлона. Или валлонки и фламандца... Неважно. Главное, что его родными языками были французский и фламандский. Она взялась учить первый, так как самоучителей по второму во Владивостоке не продавалось. А Брюссель с азартом принялся за русский. Вскоре английский растаял в их сообщениях друг другу.

Сначала он приехал к ней. «Сумасшедший! – восхищалась им её мама. – Разве нормальный человек полетит, да ещё с пересадками, через весь Евразийский материк к какой-то виртуальной подруге?!» А Владивосток был горд новым другом дочери: «Брюссель – это настоящий мужчина, аристократ. Но, судя по всему, с авантюристской кровью в жилах!»

Она же очень жалела о скором расставании. Хотя с друзьями расставаться не больно, зная, что они тут же, на одном с тобой Земном шарике – только дождись каникул!

Она часто вспоминала светло-серые фламандские глаза друга, улыбочивые валлонские губы, рыжевато-русые волны волос, деликатный тон в сочетании с бесстыже-природной любознательностью.

Спустя годы дочь Владивостока тоже посетила его. Теперь Брюссель открылся ей еще больше.

Своим многочисленным и радушным друзьям Брюссель представлял её не иначе как «Это Она – Наш Маленький Сибирский Цветок». Он щедро угощал её улитками, сваренными в сельдерейном бульоне прямо на городской улице, целыми котелками молодых нежных мидий, тушёных в ракушках, утопленных в белом вине, своей национальной картошкой фри, которая была восхитительна и не похожа на еду из фаст-фуда... А ещё Брюссель фонтанировал лучшим в мире шоколадом, умопомрачительно-вкусным пивом и статуей писающего мальчика на углу улиц Шенн и Стуфф.

Из всех мужчин, кого она знала, Брюссель был дружелюбием чистой воды. Рядом с ним не возникало тревожности или коллизий. Ему она могла говорить всё и совершенно искренне, получая в ответ ту же искренность и море эмоций. Море обычно оказывалось тёплым и штилевым. Сердце добродушного и галантного Брюсселя найти было легко, ибо оно источало сладко-ванильный запах горячих вафель. Их выпекали в центре бельгийской столицы в маленьких уличных пекарнях, вероятно по тысяче штук каждые полчаса. Ради этого сладкого аромата Брюсселя она даже хотела остаться с ним!

Они в очередной раз сидели в какой-то уютной таверне, переделанной из старинного кукольного театра. Пили бельгийское пиво: он – тонкий белый сорт «Хугаарден», она – терпкий вишнёвый «Крик». Болтали и купались в волнах радости, которую дарили друг другу. Она

узнала с ним много нового о себе и о мире, о звуках, вкусах, линиях. Между нею и Брюсселем было так много общего и столько хотелось сказать друг другу, что не оставалось никакого, даже самого маленького места для флирта.

## Париж-любовник

Раньше он её не интересовал совершенно. Всё потому, что и без того к этому мужчине в мечтах своих устремлялись все женщины, которых знала дочь Владивостока. Начиная с героинь книг и кинофильмов. Её собственная мама нередко вздыхала по нему, хотя и не была знакома с Парижем лично. О нём грезили её сёстры и кузины, школьные подружки и университетские подруги. Даже две знакомые японки говорили, что никогда не выйдут замуж, потому что Париж слишком далеко.

А для неё он бы и дальше ничего не значил, если бы не три выросшие в её душе дороги: путь Любопытства, путь Ищу Любви и путь Хочу Свободы. Когда дочь Владивостока расцвела, пути каким-то чудесным образом слились в один. Который и вёл тогда напрямиком в Париж. От этого было никуда не деться – она ощутила это внутри своего живота.

«Париж – одно расстройство! Он серый. Он тесный. Он бардачный. Он высокомерный, оказывается!» – рассказывали ей многие женщины, переставшие мечтать о нём после первой же встречи. Но её тянуло к нему. Так тянуло, как ни к одному другому. Досмотрев фильм «Амели» в 333-й раз, дочь Владивостока полетела в Париж.

Вместо серости её взору открылся сплошь бежевый город в тонком чёрном кружеве оконных решёток. Вместо тесноты она ощутила бескрайние широты общения. Вместо бардака её встретил дух творчества и свободы. Вместо высокомерия Париж с первых минут одарил её нежным поцелуем в губы. Одарил просто и изысканно сразу.

Париж в любой сезон носил шарф, небрежно накинутый на шею. Позволял себе не выбриваться и не расчесываться перед выходом из дома. И его роскошные кудри символизировали подлинную свободу духа и тела. Пуговицы его винтажного пальто безупречно сочетались с пряжкой новомодной сумки на плече. По утрам в его метро витал сладкий запах высококлассных духов, мужских и женских, недавних бездомных «пи-пи», вековых слоёв мазута, а ещё тонко-кислый душок «пино нуар» и «шинон» как напоминание о превосходном ужине накануне. Ужинал же он так, как будто занимался любовью, – смакуя каждую секунду. Предавался этому пару-тройку часов подряд. А дочь Владивостока всякий раз испытывала экстаз, оставаясь с Парижем наедине за маленьким столиком с большими тарелками изысков. Он и обычную утиную ножку, и простой хлеб, и незамысловатые листья салата мог превратить в шедевры.

Впрочем, притягательным было то, как он восхищался ею: «Как ты прекрасна с твоим тихоокеанским запахом, ненакрашенными губами и тонкими щиколотками!» А его объятия то шептали, то пели: «Мы так свободны с тобой! И мы так... вместе». Париж был магнетическим. Ещё и прекрасно знал это.

Влюбилась! Это поняла она ещё с первой секунды погружения его в неё и её в него.

Их прогулки превращались в путешествия за грани. О старте обычно сигнализировала Эйфелева башня, каждый вечер в 20:00. Башня покрывалась яркими вспышками, играя ими целых пять минут в ритме женского оргазма. После этого озарения они с Парижем чаще всего прогуливались по набережным Сены. Их шаг становился быстрее, нетерпеливее, и вот уже они неслись на какую-нибудь узкую затерянную улочку подальше от туристов и света фонарей. Там он со всей силой жажды жизни проникал в её губы, сначала... а после... Иногда тёмный силуэт случайного прохожего заставлял их резко остановиться, нервно расхохотаться и затем продолжить с большей скоростью и страстью. Если погода не позволяла им расстегиваться, распахиваться, задирать, оголять и покрываться влагой, тогда они согревались в кафе. Непременно арманьяком или кальвадосом. «А коньяк оставим туристам», – настаивал Париж. Они обменивались влаготочивыми взглядами и прикосновениями, а после неслись в его невообразимо маленькую квартирку в старинном доме №98 по улице Коленкур на Монмартре. Париж не стеснялся стеснённых пространств. Они помогали ему в развитии чувственности.

Много раз пытались доехать до Лувра – Париж так хотел, чтобы она увидела его сокровища! Но лишь только они вместе заходили в метро, как их пульсы начинали неотвратно отсчитывать минуты до извержения вулкана. В сокровищницу мировой культуры попасть никогда не удавалось. «Наверное, я увижу статую Ники и Мону Лизу, только когда стану умиротворённой старушкой», – довольно смеялась в мыслях она.

А Эйфелева башня повторяла оргастические пляски своих ярких вспышек каждый вечерний час до полуночи, не давая дочери Владивостока подумать ни о ком другом, кроме Парижа. Из-за этих огней она даже хотела остаться с ним! Навсегда.

«Я влюблён в тебя, ты – что-то особенное в этом мире! Не уезжай! Нам будет хорошо вдвоём в квартирке на улице Коленкур», – отражал Париж отблески эйфелевых вспышек в глазах.

Она в ответ кусала его губы в поцелуе. «Останемся ли мы влюблёнными друг в друга, когда иссякнет сладость расставания и возвращения? Когда ты перестанешь быть тем Парижем, который существует для меня где-то на этой планете. Когда станешь просто моим домом. И я непременно начну думать – ах, почему у моего дорогого Парижа всё не так хорошо, как в доме отца, Владивостока?» – вслух она это не произносила. Зачем? Ему ведь так нравились её сладко-солёные поцелуйные укусы. И потом, Париж ведь всегда мог воплотить в реальность свою мечту юности – приехать во Владивосток по Транссибирской магистрали, самой длинной на этой планете.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.